

Натали Лавру

**УМИРАЮЩИЙ ГЕНИЙ
И Я, ЕГО ТАЙНА**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л13

Л13 **Лавру Н.**
Умиравший гений и я, его Тайна / Натали Лавру – М.: Литнет, 2025. – 394 с.

ISBN 978-5-521-93470-6

Про него говорили, что он слишком гениален для этого мира.

Неизлечимая болезнь молодого певца и композитора Рейнарда Беллса заставила плакать не только его семью, но и толпы поклонников. А я... Наверное, я единственная, кто способен ему помочь.

Забирая больного к себе, я не подозревала, что это лечение перевернёт и его, и мою жизнь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93470-6

© Литнет, 2025
© Н. Лавру, 2025

Предисловие

Внимание! История от начала и до конца — авторский вымысел и не имеет ничего общего с реальными людьми и событиями. Все совпадения случайны.

Методы исцеления неизлечимых болезней также не являются научно доказанным фактом, поэтому автор не призывает людей повторять их.

Эта история о том, что любое чудо — это чей-то тяжёлый труд, и никакого волшебства.

Пролог. Последняя надежда

Когда я впервые увидела его, он напомнил мне умирающего воробушка. Потухший измученный взгляд, бледная сероватая кожа, тёмно-синяя хлопковая шапочка на голове, видимо, чтобы прикрыть лысину.

На комфортабельной койке лежал с трудом узнаваемый Рейнард Беллс, молодой певец, композитор и автор прогремевших на весь мир песен.

На фотографиях в интернете Рейнард красивый, как картинка, и надменно-недоступный. Он как бы показывает, что любоваться им можно только со стороны. Руки прочь!

А в жизни... Такой контраст.

Я поверила, что это он, лишь по прямому волевому носу, слегка пухлым губам и приметной сережке в форме скрипичного ключа в левом ухе.

Он тот самый, сомнений нет.

В палате, помимо больного и меня, присутствовала мать Рейнарда. Женщина по-хозяйски держала парня за руку, а на меня посмотрела неприветливо, как на очередную воровку их с сыном времени.

Ловизе Беллс – так звали мать моего потенциального будущего подопечного – на вид можно было дать около сорока пяти лет. Постриженная под мальчика и выкрашенная в вишнёвый цвет, она походила на постаревшую оторву-рокершу, но сейчас на её лице застыла гримаса боли и отчаяния.

– Где гарантия, что вы поможете? – недоверчиво спросила меня она.

Я тоже была детально просканирована её взглядом и, судя по всему, мой вид не вызвал у женщины доверия.

– Гарантий не раздаю. Могу только дать слово, что верну вам сына живым и здоровым.

– Сколько вы хотите?

– Деньги меня не интересуют, – покачала я головой.

– Тогда что? Гражданство? Недвижимость? Протекция? – перечислила госпожа Беллс.

– Нет, – ответила я, чем немало удивила собеседницу, готовую ради сына отдать всё до последней эре¹. – Я делаю это не ради вознаграждения. У меня свои мотивы. Деньги мне потребуются только на транспортировку больного и на его обеспечение в течение года.

– А нельзя вылечить его здесь?

– Нельзя. Поэтому решайте: либо я увожу его прямо сегодня, либо исчезну и больше не появлюсь.

Женщина посмотрела на сына. Тот обречённо глядел на неё, заторможенно моргая. Так выглядят те, кто сдался и обильно напичкан опиатами.

– Он уже не встаёт. Всё время на капельницах и обезболивающим, – сообщила мне мать то, что я и так уже заметила. – Ест и говорит тоже плохо, ему трудно глотать. Метастазы в шее мешают.

Слева на шее у Рея вздулась шишка размером с детский кулак. Метастаз. Справа тоже есть, но поменьше и не так бросается в глаза. Могу представить, какого размера они в остальных местах.

– У вас нет времени на раздумья, – сознательно давлю. – Методы у меня жёсткие, но проверенные.

– Рей? – женщина руку легонько сжала руку сына. – Это наша последняя надежда... Ты... Ты поедешь?

Он механически, не задумываясь, кивнул.

– А теперь главные условия, – добавила я, стараясь сделать каждое слово веским. – Вы никоим образом не вмешиваетесь в процесс

¹ Эре – это разменная монета в Дании, Норвегии и Швеции, равная 1/100 кроны.

лечения и не обсуждаете мои методы. На некоторое время вы потеряете связь с сыном и даже не будете знать, где он.

– Но...

– Иначе договора не будет.

Мать снова посмотрела на умирающего сына, который заворочал головой и закрыл лицо руками, затем скрюченными пальцами принялся скрестить по своей шапке.

– У него опять приступ, – всхлипнула женщина. – Я позову медсестру... – и её рука потянулась к кнопке.

– Нет! – кажется, чересчур резко и громко запретила я. – Если вы заключаете со мной договор, опиаты отменяются!

– Он же умрёт от боли! – женщина заплакала, растерянная и не знающая, как поступить. – Я не смогу так, зная, что он... мучается.

– Что ж, тогда прощайте. Сил вам всё это пережить, – и я ушла.

Внутри у меня назревал протест, что я должна остаться, уговорить или даже выкрасть умирающего воробушка.

Но это так не работает.

Вселенная хотела от меня, чтобы я спасла именно его. Собственно, ради Рея я прилетела в Стокгольм. Ради него переобщалась со всеми, кто имел хоть какое-то отношение к семейству Беллс. Я представилась целительницей, которая сумеет помочь, хотя сама не верю в эзотерику, да и целительницей меня не назвать. Я всего лишь медик, который по личному опыту знает, как избавиться от опухоли. Никакой магии и танцев с бубном.

Однако моё громкое заявление сработало: меня провели на встречу с родителями Рея, затем мою личность пробили по всем базам, где выяснилось, что я законопослушная гражданка России, имею медицинское образование, ни разу не осуждена, но некоторое время числилась пациенткой хосписа.

Уже от меня господин и госпожа Беллс узнали, что у меня была четвёртая стадия рака желудка и что – да-да! – я покинула хоспис, уехала в лес и излечила себя сама, без лекарств и врачей.

Затем родители Рея связались ещё с двумя людьми, которые исцелились с моей помощью, и вот я в Стокгольме по специально выданной мне визе.

Увы, страх, что с их сыном поступят нехорошо, заставил потенциальных заказчиков усомниться в правдивости моего громкого обещания.

Ещё пара месяцев, и Рей умрёт. А может, смерть сжалится и забрёт его завтра. И в этом случае смерть – это действительно милость. Я-то знаю, что такое адская боль в умирающем теле, когда выкручивает кости, а в мозгу словно вырастает раскалённый булыжник. И с опиатами я тоже знакома, хотя от их действия я лишь пьянела, но всё равно ощущала боль и непрекращающуюся тошноту.

И вот я выхожу из клиники, оборачиваюсь, выискивая взглядом панорамное окно, из которого виден больничный слово-сосновое-туевый скверик... Здесь красиво и зелено даже осенью. Ровные светло-серые дорожки, раскинувшиеся по парку паутиной. Кованые, под старину, фонари, которые ещё не зажглись.

Окна зеркальные, и я не вижу, смотрит мне кто-нибудь вслед или нет.

Я шла медленно, и, если бы госпожа Беллс передумала, она без труда догнала бы меня.

Увы, я проиграла. Чувство неоправданной надежды поглотило меня ледяным пламенем.

Такси. Аэропорт. Самолёт...

Кажется, я плакала, когда крылатая машина приземлилась в аэропорту Пулково. Плакала, молча роняя слёзы, когда сошла с трапа.

Утешить себя не вышло. Что я могла сделать? Уговорить, уломать, умаслить мать Рея? Я же прекрасно знаю, что, стоит ей увидеть мои методы исцеления, она не просто откажется – она подаст на меня в суд и выиграет его.

Боже... Чувствую себя сумасшедшей фанаткой, которая решилась на аферу, чтобы свои последние дни умирающая звезда провела со мной.

Глава 1. Без права отказаться

Заснула я под утро, но расслабиться мне не дал съехавший с катушек будильник. Я отключала его раз десять, пока не поняла, что это входящие звонки.

Вот же меня захлестнуло переживаниями! Будильник от звонка не могу отличить. В глазах плывёт...

– Алло. Кто? – ответила я, так и не разглядев номер.

– Мы согласны, – прозвучало по-английски. Женский голос. Знакомый. И ещё более сиплый, чем у меня.

Моя жёсткая беспружинная кровать никогда не была похожей на батут, но я всё же подскочила едва не до потолка.

– С-согласны? Вы уверены? – может, я сплю?

– Вы гарантируете, что мой Рей поправится?

– Обещаю, что сделаю всё для этого. Никто не даст вам гарантий. У вас есть выбор: оставить его в клинике, где он абсолютно точно не доживёт до Нового года, или использовать шанс со мной.

– Чартерный самолёт уже приземлился в Пулково, – название аэропорта я еле разобрала, так как госпожа Ловиза Беллис исковеркала его на свой лад. Поэтому я переспросила:

– Что?! Вы в Санкт-Петербурге?

– Да, мы прилетели полчаса назад. Рей находится под присмотром врачей. Ночью ему стало хуже.

От этих слов мне будто сердце сдавили ледяными тисками, и всё тело покрылось колкими мурашками.

Что если я не успею ему помочь? Существует грань, перешагнув которую, человек уже не сможет восстановиться. И пусть до этого момента мне везло, случиться может всякое.

И вот, когда Рейнард Беллис свалился мне на голову, я растеря-

лась. Позабыла не только английские слова, но и русские. Язык онемел, и я еле-еле смогла выдать:

- Где конкретно вы находитесь?
- В отеле в аэропорту.
- Выезжаю.

Я летела на такси в аэропорт, а сама смотрела билеты на самолёт до Горно-Алтайска. К величайшему сожалению, все рейсы оказались с пересадкой в Москве или Новосибирске.

Пожалуй, нужно сначала обсудить перелёт с родителями Рейнарда. Вдруг у них такие связи, что нас доставят в Горно-Алтайск charterным рейсом без задержек и пересадок?

Возле номера в отеле дежурили два шкафоподобных телохранителя.

– Меня ждут, – сказала им я, но на меня глянули, как на букашку. Я предприняла вторую попытку, уже громче: – Я Таисия Блинова, и меня ждут!

И тут – о, чудо! – мне открыли дверь.

– Здравствуйте... – руки у меня задрожали ещё сильнее и взмокли. «О, вселенная, помоги мне!» – мысленно взмолилась.

Но мне далеко было до переживаний госпожи Беллс. Та не могла перестать плакать. Вроде бы не рыдала, а слёзы всё равно катились из глаз.

Рея привезли со всем оборудованием и даже, кажется, вместе с той самой громоздкой комфортабельной койкой.

– Нас могут доставить из Пулково в Горно-Алтайск на вашем самолёте? – поинтересовалась без лишнего расшаркивания.

Народ вокруг забежал, засуетился, а я поймала себя на том, что стою и вглядываюсь в лицо своего будущего подопечного.

Сможет ли он выкарабкаться?

На белом, как снег, лице пылали ярким огнём губы. Я уже встречала такой эффект от химиотерапии.

В этот раз Рейнард спал нездоровым сном. Вероятно, снова под препаратами, которые отнимают у него и без того призрачные шансы на выздоровление.

Тревожно мне. Такое чувство, что я что-то упускаю... Только что?

Из вещей я взяла только документы, деньги и неразобранный со вчерашнего дня чемодан с трещиной через весь корпус. Можно смело выкидывать его вместе с содержимым. Как ни странно, в поездке мне мало что пригодится, а всё нужное я докуплю, когда прилетим.

Так что же?

Ах, да, чуть не забыла! Надо, чтобы кто-нибудь приглядывал за моей квартирой.

К сожалению, в этом городе есть только один человек, которого можно попросить об этом: бывший муж.

Есть ещё подруга детства, но она уже четвёртый год живёт в Испании. Так что без вариантов.

– Серёжа, привет.

– Привет, – ответили мне, и я услышала до боли знакомое взволнованное пыхтение в трубку.

– Я сегодня уезжаю. Пригляди, пожалуйста, за квартирой.

– Снова? Но ты же только недавно вернулась? – Серёжа, как обычно, слишком переживает за меня. Даже скоропостижно женившись и обзаведясь маленькой дочкой, он не перестал общаться со мной.

– Так сложилось. Я могу на тебя рассчитывать?

– Да. Ты надолго в этот раз?

– Надолго. У меня сейчас нет времени разговаривать. Отключи, пожалуйста, электричество и воду. Деньги на оплату коммуналки я переведу тебе чуть позже. Ключи у тебя есть. Пока, – и я сбросила.

Когда-то давно нас, двух нищих голодных студентов, приютила у себя бабушка. Несказанное везение, настоящий случай на миллион.